

Весенние ночи

Ночь первая

*“Tempore brumali
vir patiens,
animo vernali
Lasciviens.”*

Codex Buranus, 179

Мятая фольга облаков накрывала город, скрывая вершины далеких небоскребов Нового Амстердама. Ноздреватый тающий снег серел вдоль ржавых железнодорожных путей. Вдали, как доисторическое животное, ревел гудок. Ноги Уми привычно находили дорогу, переступали через рельсы, обходили глубокие лужи, ступали по выщербленному асфальту, поднялись по шаткой железной лестнице к двери офиса. Он открыл дверь привычным движением, волна вырвавшегося из-за нее воздуха окатила его приятным теплом. Феба подняла голову от книги.

— Доброе утро, — бросила она равнодушно. — У тебя посетитель.

— Ожидает?

— Нет, она пришла час назад, я сказала что ты будешь еще не скоро, она обещала вернуться позже.

— Она? Какая из себя?

— Не в твоём вкусе.

— Ты каждый раз так говоришь. И каждый раз ошибаешься.

— Не могу же я тебе прямо сказать, что нищий частный детектив никому не интересен и не стоит ни на что надеяться.

Вместо ответа, Уми выхватил из кармана плаща скомканный носовой платок и громко, влажно высморкался, отдуваясь и бурча что-то под нос.

— Простудился? — теперь в голосе Фебы мелькнула искренняя забота.

— Слегка. — он вытер лицо платком, ругнулся, выбросил платок в корзину для бумаг и достал из кармана еще один, посвежее, и снова со свистом наполнил его

зеленоватой слизью. — Температура под сорок, меня шатает от легкого ветерка, горло разрывают железные крюки и я только что использовал свой последний платок. Кроме этого — все нормально.

— И ты все равно спрашиваешь как выглядит эта дама?

— Что я могу сказать, дух сильнее немощной плоти. Она сказала, что ей нужно?

— Нет, сказала что все объяснит тебе лично.

— Но ты хотя бы предупредила, что не занимаюсь изменами?

— Да, ее это не смутило. К тому же она не похожа на кого-то, кто хочет поймать мужа на горячем, скорее на кого-то, кто просто убил бы благоверного при первом же подозрении.

— Ладно, подождем. Все учишься? — Уми указал на толстую книгу в зеленой с черным обложке, с надписью “Плетеный человек”.

— Вроде того. Ты точно можешь работать сегодня?

— Я не работал уже месяц. Если упущу этого клиента — мне придется продать почку чтобы оплатить счета. И все не так уж плохо, поверь. В простуде даже есть что-то ностальгическое. В детстве я часто болел, вообще был довольно слабым... Феба посмотрела на стоящего перед ней воина-маори, похожего на обритого медведя, с татуированным лицом, сломанным носом и мышцами которые норовили вырваться из-под серой ткани плаща.

— Сложно в это верить.

— Придется. Так вот, когда болел, я мог пропустить школу, лежать на кровати с чашкой чая, печеньем и хорошей книгой. Насморк и боль в горле были малой ценой, чтобы заплатить за такую роскошь. Я поэтому не слишком осторожно обходил лужи и часто терял шапку, понимаешь?

— Думаю, да, — улыбнулась Феба.

— Ну вот. А потом... Не знаю, лужи перестали на меня действовать. Как раз тогда, когда я начал расти всерьез. Последний раз я простужался, когда мне было тринадцать. До сегодня. И да, мне хочется сейчас лежать в кровати с хорошей книгой и чашкой чая с медом и лимоном. Но...

Он обвел рукой пыльную приемную, покосившиеся жалюзи, дверь своего офиса, со стекла которой облетали понемногу буквы “Уми Матаафа, частный детектив”

— ... теперь у меня больше обязанностей, чем двадцать лет назад.

Она вошла тихо, но властно. Корона темных волос, тяжелые полуопущенные веки, орлиный нос. Ее немного портила челюсть — квадратная, почти мужская. И все же

было в ней что-то что-то смутно влекущее. Глубоким грудным голосом она осведомилась:

— Мистер Матаафа, я полагаю?

— Да. Пройдемте ко мне в кабинет.

Когда дверь закрылась за ними, отсекая обернувшуюся вслед за ними Фебу, она перешла сразу к делу:

— Меня зовут Мелани, Мелани Килдир. Мистер Матаафа, я хотела бы чтобы вы нашли для меня определенный предмет. Семейная реликвия, не слишком большой денежной ценности, но она дорога мне как память. Несколько дней назад ее похитили. Я могу указать вам человека, в котором подозреваю вора.

— Если вы знаете, кто преступник, то почему просто не обратиться в полицию?

— Потому что это дело, как бы точнее выразиться, семейное. Я не хотела бы вовлекать полицию в наши внутренние дразги.

Уми кивнул. Дело не слишком хорошо пахло, но если компенсация будет соответствующей, то ему не претило сделать что-то не вполне законное. Тем более, если его просила об этом красивая женщина.

— И о каком предмете идет разговор?

Мелани порылась в сумочке, извлекла из нее сложенный лист бумаги и протянула его детективу. Он развернул его — это была вырванная страница из книги, гравюра изображающая олений рог, подписанная “Рог Кернуна”. Семейная реликвия, но при этом у нее нет фото, только страница из книги. Дело стало выглядеть еще хуже. Конечно, этому могло бы какое-то вполне невинное объяснение... но интуиция подсказывала Уми, что в Мелани не было ничего невинного.

— И как мне отличить его от обычного охотничьего трофея?

— Гравюра очень точная. Рог Кернуна выглядит именно так, для детектива, я думаю не составит труда соотнести предмет с его изображением.

Детектив хмыкнул.

— И человек, который, как вы говорите, украл его?

— Найджел, Найджел Литтон. У меня нет его фото, но я могу дать его последний известный мне адрес.

— Ну что ж, я посмотрю что можно сделать. Давайте обсудим компенсацию.

— Сто двадцать пять долларов в день, плюс расходы.

Уми с трудом подавил желание присвистнуть. До сих пор он не видел больше ста долларов *в неделю*.

— Сто сорок и мы договорились. За первые три дня деньги вперед.

Молча, Мелани снова открыла сумочку и выложила на стол пять новеньких купюр с портретом Томаса Джексона. Увидев их, Уми едва не облизал губы, и почувствовал, что смотрит на них как уличный кот на кусок лосося, но быстро собрался и вернул себе беспечный вид. Он небрежно смахнул деньги в ящик стола, сделав в уме заметку полюбоваться ими позже.

— Отлично. И последнее, как я могу с вами связаться?

— Это не потребуется. Я свяжусь с вами.

— Но если я найду этот рог...

— Я свяжусь с вами.

— Как скажете. В таком случае, хорошего дня?

— Да, до свидания.

Элегантно, как будто рассчитывая каждое движения, мисс (или миссис?) Килдир встала и вышла. Дождавшись, когда звякнет колокольчик над дверью, Уми снял с вешалки плащ, достал доллары из ящика и вышел в приемную. Раскрыв пачку веером, он помахал купюрами перед носом Фебы, сияя улыбкой. Та только посмотрела на него строго, даже как будто с осуждением, и вернулась к книге.

Дерево, еще голое, но с набухающими почками, плохо укрывало от дождя. Капли срывались с ветвей, разбивались на полях шляпы. Уми бросал в рот кусочки жареного батата из коричневого пакета, над которым поднимался ароматный пар, и смотрел прямо перед собой.

Бейсайд драйв 31. Совершенно обычный дом, из тех что строили в начале века — два этажа, стены дикого камня, четырехскатная крыша. Прибежище для пары семей среднего класса, не кого-то кто имеет или крадет реликвии. И все же это адрес, который угловатым наклонным почерком был указан на клочке бумаги, который дала ему Мелани.

Никто не ответил на звонок в дверь. С самого утра ни в одном окне не пошевелились занавески. Уми в целом не ожидал ничего другого. С его везением, уклониться от целого дня наблюдения все равно не получилось бы. Под холодным морозящим дождем. С жаром и ломотой во всем теле. Уми ушел с крыльца, подыскал скамейку и раскрыл газету. Через десять минут газета расползлась у него в руках. Он стряхнул с пальцев прилипшую к ним мокрую бумагу, сунул руки в карманы, положил ногу на ногу и зарылся подбородком в воротник плаща.

Ничего. Редкие прохожие шли мимо, никто не изъявлял желания зайти в нужный дом и появиться из него с подозрительно рогоподобным свертком. Уми подумал насчет черного входа или заднего двора, обошел дом — но упирался стеной в

стену другого здания. Если только Найджел не сделал кротовый ход в подвал, они никак не мог войти и выйти незаметно.

Поклевав носом много часов — не теряя, впрочем, бдительности — детектив вспомнил о таксофоне рядом с автобусной остановкой неподалеку. Стоило позвонить Фебе, не узнала ли она что-то об этом Найджеле.

Встать получилось не с первого раза. Все тело ныло, ноги замерзли, да к тому же после сидения на жестком дереве еще и онемели. Отряхнувшись как мокрый пес, Уми двинулся в сторону перекрестка.

Темнота опускалась на город. Тут и там зажигались ряды фонарей, вспыхивали неоновые вывески, отражаясь в черном зеркале мокрого асфальта. Смутное пятно луны скользило за шерстяным одеялом темных туч. Дождь прекратился. Прохожие останавливались, пестрые зонтики закрывались, как цветы на ночь. И каждый путник бросал на небо недоверчивый взгляд — не готовит ли оно коварно еще один холодный душ.

Телефон принял монету не сразу. Несколько раз она лязгала внутри аппарата, не задерживаясь и выкатываясь на лоток возврата. Но очередная попытка удалась — таксофон щелкнул и пошел ровный гудок. Уми набрал номер своего офиса.

— Феба, это я. Тебе удалось выяснить что-то о нашем подозреваемом?

— Смотря как на это смотреть. Насколько я могу судить, он не существует. Он нигде не живет, не имеет счета в банке, не платит налогов. Возможно и существует живой, дышащий человек с таким именем, но бумажного следа у него нет. Ни в одном реестре нет никого под таким именем.

— Никого? Было бы понятнее если бы у него было сотня тезок. Ладно, проехали. Что насчет дома по адресу который дала мисс Килдир?

— Им владеет семидесятилетняя вдова по имени Элизабет Фейрбанкс.

— Понятно. Если бы не деньги, я бы подумал что кто-то просто хочет надо мной подшутить.

— А ты внимательно на них смотрел? Может они тоже поддельные. Хотя, откуда тебе знать как выглядят настоящие деньги.

Уми повесил трубку с силой, которая едва не выдернула крюк.

Детектив вздохнул. Переступил с ноги на ногу. То, что он собирался сделать, не становилось разумнее или законнее.

Он сказал себе, что окно на втором этаже было открыто все это время. Что он просто не замечал его раньше. Получалось неубедительно — болтающаяся на

одной петле створка с выбитым стеклом — это едва ли что-то, что можно упустить за несколько часов наблюдения.

Подойдя поближе, Уми увидел что густая тень обрамляла белый прямоугольник приотворенной двери. Со скрипом дверь поддавалась легкому толчку.

В доме было темно. Мебель спеленутая белыми покрывалами была похожа на тихих призраков. Карманный фонарик мигнул. Уми стукнул его рукой. Свет снова на мгновение угас, но тут же ожил, лег изломанным желтым кругом на пыльный паркет, скользнул по комнате, бросая трепещущие тени. Тишина, только поскрипывали доски под ногами.

На первом этаже никого не оказалось. Дом казался еще не заброшенным, но уже необжитым. Но ровно гудел холодильник на кухне. Но стояла на столе открытая картонка с молоком и стакан с белым налетом. Уми взял молоко, понюхал — свежее. И цепочка следов в пыли огибала стол, вела из кухни в гостиную. Уми вернулся, присмотрелся к следам внимательнее. Вот отпечатки его ботинок — огромные рифленые подошвы. Вот следы которые он видел на кухне — плоские, оставленные, например, мягкими тапочками. И еще одни — собачьи, четырехпалые. Детектив поставил ладонь рядом с одним из них. Рука у него была огромной, он мог бы спрятать в кулаке апельсин. Эти звериные следы были меньше его ладони... но не намного меньше. И они все вели с лестницы.

Нехорошее предчувствие легло тяжестью в животе. С каждым шагом вверх по ступенькам, неясный страх становился все сильнее. Слева от лестницы — еще одна полуоткрытая дверь, треугольник неяркого оранжевого света лежащий на полу. Уже здесь Уми почувствовал запах, железный запах свежей крови.

Спальня была разрушена, как будто по ней пронеслось торнадо, словно по ней ударило цунами. Книги с вырванными страницами устилали пол, вперемешку с перьями из вспоротой перины, книжные шкафы опрокинуты, мебель перевернута. И в центре этой разрухи лежало тело, невидящими глазами глядя в потолок.

Найджел, судя по всему.

Вокруг его головы — нимб крови, вытекшей из вырванного горла. Лицо покрытое глубокими рваными ранами, на котором сквозь разорванную щеку видны были зубы, кость торчащая из сломанной левой руки, когда-то белый банный халат насквозь пропитался краснотой. Существо, которое сделало это с ним не могло быть человеком. И тем не менее, оно было достаточно разумно чтобы обыскать комнату.

В носу у детектива защекотало. Он чихнул, потянулся в карман за платком и нашел только зеленоватый мокрый комок, который ничем не мог ему помочь. Он запустил

руку в другой карман, но там пальцы нащупали только нож. Уми задумался. Нет этого делать нельзя, он никогда не пользовался своим талантом прямо на месте преступления. Но он никогда и не был месте преступления, тем более таком свежем. Да и не должен он тут быть, лучшим вариантом было бежать отсюда сейчас и как можно дальше. Но то ли из-за температуры пришла ему в голову эта невозможная идея, то ли из-за странности этой сцены, то ли потому что манила его запретность, то ли еще из-за чего-то — но все же он опустился на колени перед трупом.

— Прости, друг. — сказал Уми тихо и распахнул полы халата.

Ему никогда раньше не приходилось открывать грудную клетку самому, обычно сердце давали ему в ванночке из медицинской стали. И сейчас он проникался понемногу глубоким уважением по отношению к патологоанатомам полицейского морга. Покрытая кровью кожа скользила, межреберная мембрана трещала под ножом. Ужасный звук, от которого мурашки шли по коже, он был хуже звука гвоздя царапающего школьную доску. Внутри грудной клетки было темно и красно, и ограниченного знания анатомии сейчас едва хватало чтобы отличить сердце от печени. Сердце оказалось тем влажно блестящим органом которое далось ножу с большим трудом. И все же ему удалось отрезать небольшой кусок. Он был еще теплым. Мгновение помедлив, Уми решительно бросил его в рот и зажмурился.

Найджел поставил бокал с виски на небольшой круглый столик, толчком ноги заставил кресло качаться. Еще пара дней и он будет на борту лайнера следующего обратного в Лондон. Будет в безопасности. Босс уверял что он будет в безопасности и в этом доме, но детектив ему не слишком верил. Он держал свой револьвер под подушкой и ночью просыпался от каждого шороха. Тени деревьев, качаемых ночным ветром казались ему мрачными, зловещими. Но сегодня он чувствовал себя неплохо, не таким нервным. Два дня, всего два дня. Треск кустов шиповника под окнами. Первым инстинктом было потянуться к оружию, но он отогнал эту мысль и вместо этого отхлебнул еще виски. Наверное просто кошка, как всегда. Или крыса. Крысы в Новом Амстердаме были огромными, способными сожрать взрослую собаку. Во всяком случае так ему сказал встреченный в подземке бездомный, с растрепанной бородой, в которой копошились вши, державший картонным знаком "Нужны деньги на выпивку". Окно распахнулось от удара, на пол посыпалось разбитое стекло. Два горящих глаза и дыбом стоящая шерсть, когтистые лапы, сутулая, не совсем человеческая фигура. Одним прыжком прямо с оконной рамы она бросилась на

детектива, и заполнила весь его мир горячим дыханием, звериным запахом, болью.

Мотнув головой, чтобы стряхнуть видение, Уми поднялся. Увиденное ничего не прояснило, только оставило больше вопросов. Он ожидал что убийцей окажется оборотень. Но кроме этого он ожидал увидеть на нем знаки клана, или хотя бы какие-то особые приметы позволяющие его опознать, вроде надорванного уха. Общество Волков было не таким уж большим и даже кто-то вроде Уми, для кого они были все на одну морду, мог все же надеяться узнать одного из членов. Наверное, именно поэтому они старались не привлекать к себе внимание. И даже если бы они один из них решил убить кого-то, он не стал бы делать этого в своей звериной форме, чтобы не навлечь гнев на остальных членов клана. Что-то тут не стыковалось.

Но Лондон, о котором думал убитый. Феба говорила что проверила все базы данных, но, очевидно, упустила порт. Впрочем, Найджел мог прибыть по поддельным документам, так что не стоило слишком корить ее за это. Но если это действительно так, то зачем? Чего он боялся? Кого?

Уми задумался. Подошел к постели. Под подушкой револьвера больше не было. Детектив заглянул под кровать и нашел только пыль. Осмотрелся — оружие застряло между стеной и прикроватной тумбочкой. Достав его оттуда, Уми сдвинул в сторону барабан и вытряхнул из него патроны себе на ладонь. Даже в тусклом свете было видно что это были самые обычные пули, без каких-либо примесей серебра. Так что чего бы ни опасался убитый, оборотни не были в числе его страхов.

Тихий неразборчивый шепот. Он шел из ниоткуда, он не был реальным звуком, просто шорохом в сознании детектива. Но все же он уловил в нем подсказку, то, что пыталась сказать ему поглощенная им часть духа убитого. Книга. Тяжелая книга в старинной деревянной обложке.

Быстро осмотрев комнату, Уми нашел подходящий том. Он лежал раскрытый, пожелтевшие страницы трепетали в ветре из разбитого окна. Детектив поднял книгу, взглянул на обложку — “Верования древних кельтов”. Встряхнул, не выпадет ли что. На пол порхнул небольшой белый листок — библиотечная карточка. Еще не нагибаясь Уми увидел что она выдана на имя Найджела Литтона. Уми подобрал ее, спрятал во внутренний карман. Пролистал книгу. В оглавлении глаз зацепился за знакомое слово: “Кернун, 259 страница”. Детектив быстро нашел нужное место, пробежал глазами по мелкому шрифту, перелистнул...

Гравюра была той самой. Не просто похожей, не одной из многочисленных копий — точно такой же как та, что дала ему Мелани. Он мог бы достать для сравнения страницу, но вот этого не было нужды. Тот же размер, та же желтизна страницы, тот же шрифт подписи. Только эта находилась на своем законном месте в книге.

“Я на верном пути”. Это был путь который вел к неизвестно каким неприятностям, но он был верным. Более разумный человек, вероятно, пошел бы в полицию. В конце концов, там хватало знакомых на которых можно было свалить этот груз. Что его останавливало? Деньги? Да, конечно и они сыграли свою роль. Но не только. На кону стояла его профессиональная этика, его честь. Впервые ему попало настоящее дело, и бросить его, скуля и поджав хвост потому, что оно оказалось слишком настоящим было бы непростительной трусостью. Если бы он это сделал, то называть себя частным детективом у него не было бы никакого права. Осталось бы повесить шляпу на гвоздь и идти работать на железную дорогу.

Поэтому Уми только оставил свою визитную карточку на видном месте, написал на блокнотном листе кратко что ему явилось в видении и вышел из дома.

Он едва переступил через порог, как в ребро ему впился короткий ствол “Бульдога”, и хриплый голос сзади сказал:

— Не двигайся! Подними руки!

Дилетант. Причем вероятно дилетант нервный, иначе почему он дал взаимоисключающие команды? Да и хриплость вероятно была напускной, неубедительной попыткой запугать, скрывающей дрожь в голосе.

Кто-то неумело попытался обыскать его, просто провел руки вдоль тела, будто Уми был дешевой портовой шлюхой к которой приценивается пьяный моряк. Он не нашел бы и пулемета спрятанного в кармане брюк. Нос револьвера при этом никуда не пропал с бока, так что дилетантов было как минимум двое. Осторожно оглянувшись, детектив увидел что не ошибся.

Странная парочка. Низкий толстяк в клетчатой кепке и тесной жилетке из под которой выходила золотая цепочка карманных часов, который и держал револьвер. И его прямая противоположность, длинный и тонкий, как ручка швабры, длинноволосый парень, который обыскивал.

— Он чист.

И акцент. Явно не здешний. Уми не был уверен как звучит кокни, но готов был поручиться, что именно так, как разговаривают эти ребята.

— Нам нужен Литтон. — сказал толстяк сквозь зубы.

— Да, он думал он может убежать от долгов за океан, но у парней из Пекама слишком длинные руки. — подхватил длинный.

— Боюсь вас разочаровать, друзья, но там, куда он ушел, вы его уже не достанете. Удар рукоятью “Бульдога” по лицу. Любопытно, все британцы настолько нетерпеливые?

— Скажи нам где он, и может быть мы тебя отпустим живым.

— Если бы ты дослушал, я бы и так сказал. Он в доме, можете сходить убедиться сами.

Толстяк мотнул головой в сторону двери. Парень послушно вошел в дом. Через пару минут он вернулся, с лицом, сменившим цвет на зеленоватый, молча покачал головой. Кажется, он боялся что может вырваться наружу, если он раскроет рот.

— Это ты его? — спросил гангстер в кепке, не слишком осторожно взмахнув револьвером.

— Нет.

— А кто тогда?

— Это я и пытаюсь выяснить. Я частный сыщик.

— Ну ладно. Когда узнаешь — скажи кому угодно из наших, чтобы передали Дэнни-бою. — он улыбнулся золотой улыбкой и обернувшись к напарнику продолжил — Ладно, Родни, пошли, мы станем миллионерами в другой раз.

Стук в дверь. Громче. ГРОМЧЕ.

— Открывай, полиция!

Встать с кровати не получилось. Пришлось скатиться. После этого, правда, пришлось вставать с пола, но после нескольких часов горячечного бреда, логика и планирование не были сильной стороной Уми. Его трясло. Ноги подгибались. Глаза слезились. Пальцы с трудом сдвинули щеколду. Вчерашний день под холодный дождем не пошел ему на пользу.

— Твою мать, Уми, ты выглядишь как лягушка которую переехал автобус.

— Простуда.

Отлично, и голос тоже осип. Быть раскатанным по асфальту автобусным колесом сейчас казалось не такой уж плохой альтернативой.

Лейтенант Магеллан дымил окурком толстой сигары. Никто ни разу не видел его с целой сигарой во рту, и ходил слух что он подбирает окурки из пепельниц на местах преступления. В этом могла быть доля правды — после дела, где жертву убили с помощью отравленной сигары, он ушел на больничный на месяц и после этого не курил год. Потом коричневый обрезок вернулся на свое место.

— Ну, выздоравливай. В тюрьме на Стейтене все окна выходят на горящую свалку. Мне не хотелось бы отправить туда больного человека, он может и не дожить до

суда. — до этого лицо лейтенанта излучало благожелательность и было сморщено от теплой улыбки. Но теперь тон изменился, он ткнул что-то в грудь сыщику — Что это?

— Это моя визитная карточка.

— Не потрудишься ли объяснить, что она делает на месте зверского убийства? В конце концов, если ты действительно хотел облегчить мне задачу, то мог бы явиться в участок с признанием.

— Если ты меня подозреваешь, то почему пришел один, без пары крепких парней? Лейтенант развел руками.

— Ладно, ты меня раскрыл. Я знаю что это не ты. Но вот что, сейчас я буду задавать тебе вопросы, а ты будешь на них отвечать. Как можно подробнее. Допрос затянулся на пару часов. Магеллан ходил кругами, постоянно просил повторить одно и то же. О Мелани Уми молчал — это было его право, его обязанность, конфиденциальность клиента — превыше всего.

Наконец удовлетворенно кивнув, лейтенант проворчал.

— Ладно, мне вроде бы все понятно. Но вот что, постарайся в следующий раз дожидаться полицию, вместо того чтобы самому портить место преступления, у нас есть для этого собственные специалисты. В следующий раз с тебя спросят по всей строгости закона.

Уми проводил его до двери, закрыл ее за лейтенантом. Хотел было вернуться в кровать, но пошатнулся. Ноги окончательно отказались служить ему, сил хватило только чтобы упереться спиной в стену и сползти по ней на пол. После этого в глазах потемнело, закружилось и сыщик потерял сознание.

Ночь вторая

*Весенней ночью все не спят
Когда откроются холмы
И дивным светом возвестят
Об окончании зимы
Накинь халат и выйди в сад*

Рассматривая разводы на потолке, Уми с тоской вспоминал старые добрые деньки, всего-то на прошлой неделе, когда боль не была его постоянной спутницей. Мысли напоминали комок пряжи, попавшийся в когти игривой кошке. Какая-то идея настойчиво пыталась пробиться в сознание, он должен был сделать что-то, но

никак не мог ухватить мысль за хвост и вытащить ее на свет. Ладно, если это так важно, то само придет в голову чуть позже.

Испустив горестный вздох, детектив похромал к шкафу. Нужно было было сходить в душ, но после вчерашнего дня под ливнем, мысль о каплях воды падающих на закипающую голову была не слишком приятно. От бритья тоже пришлось отказаться — руки дрожали, не хватало еще вскрыть себе горло бритвой.

Серый утренний свет нагонял тоску. Окраины Нового Амстердама, которые и в солнечный летний день едва ли можно было назвать приятными глазу, под мрачным небом были похожи на дряхлый скелет давно умершего города — заброшенные фабрики со ржавыми трубами, свалки по которым ветер носил обрывки страшных газет, покосившиеся заборы, отделявшие одно безлюдное место от других, таких же безлюдных. Поежившись, Уми зашагал быстрее, стараясь думать счастливые мысли.

Выходило не слишком хорошо.

— Мелани ждет тебя в кабинете.

— Отлично, у меня есть к ней несколько вопросов. А для тебя — выговор. Скажи, дорогуща, почему ты вчера не проверила портовые записи?

— Проверила. Нашего объекта там не было.

— Значит все-таки прибыл по поддельным документам. Кстати, позвони в портовое управление, уточни не прибывали ли в последнее время некто Денни-бой и Родни.

— Денни-бой и Родни? Фамилий у них нет?

— Они не были так любезны чтобы представиться. Но скорее всего они приплыли вместе из Лондона.

— Хорошо, попробую что-нибудь выяснить.

Мелани сидела на стуле неподвижно, как задумчивая змея. Глаза полуприкрыты, сумочка стояла на коленях. Уми прочистил горло, чтобы привлечь ее внимание.

Она встрепенулась.

— О, здравствуйте. Я кажется слишком глубоко погрузилась в свой внутренний мир.

— Доброе утро. Ничего страшного, со всеми случается. Феба из своего внутреннего мира и вовсе никогда не выходит. Как я понимаю, вы хотели бы узнать о прогрессе дела.

— Естественно.

— Ну что ж, мисс Килдир, я нашел Найджела Литтона. К несчастью, кто-то нашел его раньше меня. Сам он убит, его комната была полностью разгромлена. Если рог

был там, то он был либо слишком хорошо спрятан, либо убийца унес его с собой. Насчет первого я сомневаюсь, мои контакты в полиции сообщают что ничего подобного на месте преступления найдено не было.

“А еще призрак убитого молчит. Он дал бы мне знать если рог был там”. Но вслух ничего этого Уми не сказал. Немногие женщины могут спокойно терпеть рядом с собой кого-то, кто поедает сердца убитых.

— Это трагедия. Мы с мистером Литтоном не были близки, но все же он ничем не заслужил такой жестокой смерти. И что теперь, дело зашло в тупик?

— Нет, почему же. Не буду утомлять вас подробностями, но у меня есть надежные зацепки. Я могу продолжить поиски.

— В таком случае продолжайте.

— Но в свете этого события, я хотел бы повысить ставку до ста семидесяти долларов. Все-таки дело связано с определенным риском.

— Деньги не проблема.

— Отлично. Вы не знаете, кто еще мог бы искать рог? Все-таки убийство вряд ли было случайностью.

— Везеркок, коллекционер из Лондона. — бесплотный шепот дал Уми знать что имя это было знакомо убитому. — Он несколько раз предлагал купить у меня Рог, я каждый раз отказывала. Я уверена, Найджел украл рог, чтобы продать ему. Но, видимо, они не сумели договориться насчет цены.

“Все дороги ведут в Лондон”, подумал Уми. Странно. Вся эта прибывшая из-за океана драма. Литтон думал о Лондоне как о доме и в то же время Мелани говорит о нем как о члене семьи. И при этом подразумевает что сама она живет в Новом Амстердаме. Что-то тут не вязалось. Надо будет насчет нее навести справки. Будет чем заняться Фебе, иначе скоро она прочитает все книги в библиотеке за его счет. Ну то есть, если бы он ей платил.

Точно, библиотека. Эта мысль смутно не давала ему покоя все утро. Насчет надежных зацепок — это, конечно, был просто блеф, но библиотечная карточка могла привести его куда-нибудь.

Тут сыщик заметил что Мелани смотрит на него с улыбкой, слегка наклонив голову. В свете этой улыбки испарилась маска ее холодной высокомерности. И осталась только красота. Нужно будет пригласить ее куда-нибудь после того как он закончит работать над этим делом.

— Что-то гениально пришло вам в голову? По лицу видно.

— Может не гениальное, но... Увидим. Если мы закончили...

— Да. — Мелани встала. — Увидим. И увидимся.

Мраморные львы, Спокойствие и Стойкость, величественно смотрели с постаментов, обрамляющих лестницу ведущую в городскую библиотеку. Цитадель знания была похожа на древнегреческий храм — портик с арками, коринфскими колоннами и рельефами, над которым возвышался белый треугольник крыши. Вокруг было не слишком много людей — только редкие студенты с сумками для книг сновали по ступенькам.

Внутри же библиотека была похожа на дворец разорившего страну европейского монарха. Мрамор, дубовые резные панели, картины, запах старых книг и, почему-то, бутербродов с маслом. Уми ни разу еще не был здесь не был, даже мимо проходил не так уж часто, так что не сразу смог найти кого-то кто мог бы ему помочь. Но за невысокой стойкой, на которой стояла лампа с зеленым продолговатым абажуром, он увидел девушку в узких очках которая внимательно следила за ним, и, кажется, уже собиралась окликнуть. Сыщик направился прямо к ней.

— Добрый день, я Уми Матаафа, частный детектив. Я хотел бы задать пару вопросов... правда не уверен кому их задавать.

— Если вы ищите какие-то пособия...

— Нет, не совсем. Я расследую убийство.

Глаза библиотекарши оживленно, зловеще сверкнули. Ее взгляд был взглядом человека, который наконец сможет доказать подругам что ее работа ничуть не скучна. А доводилось ли помогать расследовать убийство на этой неделе?

— Чем я могу помочь?

— Во-первых меня интересует книга “Верования древних кельтов”. Ести ли у вас копия в которой не хватает двести шестьдесят первой страницы?

На самом деле не было причины думать что книга из которой была вырвана страница была библиотечной, и что Мелани вернула ее после акта вандализма. Но узнать, если не поможет, то точно не повредит.

— Секунду, я позвоню в запасник.

Голос на другом конце трубки звучал неразборчиво-раздраженно, девушка только поддакивала, выслушивая какую-то длинную тираду, сменившуюся долгой паузой и затем снова потоком слов. Наконец, она прикрыла ладонью микрофон и сказала:

— Да, такая есть. Вы хотите на нее посмотреть?

— Да, и заодно список тех, кто брал ее в последнее время.

— Хорошо. — девушка передала это в трубку и повесила ее. — Что-то еще?

— У меня есть карточка убитого. Вся информация которую вы сможете о нем сообщить будет полезна для расследования. Может кто-то из ваших работников говорил с ним, я оставлю свой номер, пусть они мне перезвонят.

Он протянул ей библиотечную карту и свою визитную карточку. Она бегло взглянула на нее и хотела уже отложить, ее рука дрогнула, остановилась, взгляд был прикован к имени, лицо стало каменным.

— Подождите здесь.

Она встала и ушла, исчезнув за поворотом. Уми стоял, лениво оглядываясь по сторонам. Прошло пятнадцать минут, а она все не возвращалась. Сыщику понемногу становилось неловко, ему казалось что проходящие мимо люди бросают на него странные взгляды. Он и правда был не слишком похож на типичного посетителя. Рост его тоже обычно привлекал внимание. Да и приступы кашля время от времени сгибали его почти пополам.

Наконец девушка вернулась, следом за ней шла женщина с очками висящими на шее на шнурке, с покрасневшимся и опухшим влажным лицом.

— Он правда мертв? — спросила она надломленным голосом.

Не зная что сказать, Уми кивнул. До этого ему не приходилось сообщать о чьей-то смерти. Он опасался что даже это вызовет у женщины новые слезы. Но она только скорбно кивнула в ответ.

— Следуйте за мной.

Она привела его в небольшую каморку с парой стульев и потертым столом. Запах бутербродов был здесь особенно сильным.

— Меня зовут Рован. Мы с Найджелом были... *близки*. Как я могу помочь найти убийц?

— Насколько я могу судить, убийце нужен был определенный предмет находившийся у мистера Литтона. Рог Кернуна. Он ничего вам не говорил о нем? Рован грустно улыбнулась.

— Я говорила ему, чтобы он не брался за это дело. Связываться с тайными обществами слишком опасно. Даже если он возвращал украденное законному владельцу. Рог был у Везеркока, лондонского коллекционера, знакомого Найджела. Пару недель назад кто-то его украл. Везеркок хорошо знал, кого стоит подозревать, и знал, что Наджел талантливый частный сыщик. Найджел смог перехватить реликвию прямо на трапе лайнера.

— Подождите, тайными обществами?

— Да. Культ Рогатого Бога. Для них Рог — священная реликвия. На похитителя, с их точки зрения, они тотчас начали бы охоту. И в отличие от Везеркока, он не мог

позволить себе охрану. Найджел это знал, но деньги... Он не смог устоять. Мечтал о том чтобы забрать меня к себе на родину, купить там дом, завести детей.

— Давно он жил в Новом Амстердаме?

— Год. Два. Я не знаю точно, он не любил говорить о прошлом. Мы были вместе почти год.

— И вы не знаете, где сейчас находится рог?

Лицо Рован исказилось презрительным подозрением. Но быстро смягчилось.

— Он у меня. Забирайте его, мне он ни к чему. Мне не нужны кровавые деньги и мне не хочется продолжать постоянно оглядываться.

— Где...

— Я напишу адрес. Приходите сегодня к восьми.

После долгой, тряской поездки в подземке, Уми вернулся домой, включил радио и растянулся на диване. Нельзя сказать что он был расслаблен, наоборот нервы были натянуты. Слишком это оказалось легко. Два дня, и реликвия тайного культа, за которой охотится жестокий убийца или убийцы, уже почти у него в руках. Но “почти” не считается. Он поверит только когда будет держать его в руках, а лучше — держать в руках деньги за выполненную работу. А до вечера еще долго, и зная его удачу...

Стук в дверь. Ну вот и она. Никто никогда не стучал ему в дверь с хорошими новостями. Мелькнула трусливая мысль — затаиться, сделать вид что его нет дома. Но Уми отогнал ее. В конце концов, ему было любопытно, что за беда его поджидает.

Беды было две. Низкая в клетчатой кепке и высокая с растрепанными волосами. Три, если считать направленное в грудь Уми дуло револьвера.

— Мы заходили в офис. — сказал Дэнни-бой. — Но девушка сказала что сегодня ты уже не вернешься. Мы его обыскали, надеюсь ты простишь нас за некоторый беспорядок. За оба беспорядка.

Сыщик присел на диван, и стал наблюдать как гангстеры громят его квартиру. Это не заняло много времени — его квартира состояла из крошечной спальни и кухни размером со спичечный коробок. Обыскав все возможные места, Дэнни-бой сузив глаза посмотрел на диван и достал складной нож. Пошарив рукой в ватных внутренностях, он сдался.

— Ладно, значит Рог все-таки не у тебя. Но если вдруг это измениться — мистер Везеркок просит передать что готов заплатить двести тысяч фунтов. Ну что ж, не будем больше тебе мешать. Та!

С этим они ушли, оставив на столе визитную карточку.

Вечерняя встреча прошла коротко и удивительно бесцеремонно. Рован открыла ему, сунула в руки бумажный пакет и захлопнула дверь перед самым его носом, даже не попрощавшись. Уми постоял, будто ожидая чего-то, пожал плечами и вышел.

Запрыгнув на подножку трамвая, он поехал домой. Это было странно — держать в руках больше денег, чем он потратил за всю свою жизнь. И здесь, в трамвае, где неразборчиво бормотали что-то пьяницы и безумцы, а поздно возвращающиеся с работы ткачихи, глядя на них, крепко прижимали к животам сумочки. Уми тоже хотелось прижать сокровище к себе как можно крепче, но это только вызовет подозрения. Пусть лучше пакет небрежно болтается в руке, будто там нет ничего более ценного чем наполовину съеденный бутерброд с сыром.

Только вернувшись в квартиру, он развернул его.

Рог Кернуна действительно не был похож на обычный олений рог. Лаково-черный, блестящий. Тонкий, с плавными изгибами, как у качающихся под водой водорослей и острыми концами. От него веяло силой и древностью. Уми положил его на стол, налил себе виски и стал созерцать артефакт.

Что делать с ним? Двести тысяч фунтов. Интересно, сколько это в долларах? Вероятно, вполне достаточно, чтобы открыть собственное детективное агентство, не бродить самому по холодным улицам Нового Амстердама, а только мудро наставлять молодых детективов сидя в комфортном кабинете. Купить квартиру поближе к центру. И еще останется на красивую жизнь. Честь детектива — понятие хорошее, но ее редко подвергают таким испытаниям. Двести тысяч.

Внезапно зазвонил телефон. Уми от неожиданности вздрогнул и расплескал неотпитый еще виски. Кому это не спится в такой час? Магеллан может быть, вызывает в морг, увидеть глазами Уми последние минуты какого-то несчастного. Сыщик усмехнулся. С деньгами ему больше не придется поедать ледяные сердца. Можно сказать лейтенанту что он увольняется.

Голос в трубке не был голосом Магеллана. Его трудно было разобрать сквозь рябь помех. Станный, задыхающийся, женский.

— Мы знаем что рог у тебя. Феба у нас. Мы предлагаем обмен. Приходи один. Записывай адрес.

— Подожди. — Проклятие, куда подевался блокнот? Ручка лежит на столе, но вокруг ни клочка бумаги. Уми достал какой-то листок из кармана плаща, набросал быстро продиктованный адрес. В трубке уже звучали короткие гудки.

Он перечитал почти неосознанно записанные указания. Большой Холм в центральном парке. Всего два часа чтобы добраться. Хватает, но впритык, ему нужно было бежать прямо сейчас.

Но он не спешил. Он снова и снова перечитывал имя на листе бумаги. Это был список тех, кто брал книгу с вырванной гравюрой. Он тогда сунул его в карман не глядя, уверенный что он ему уже не нужен. И только теперь увидел, что в самом его конце, зелеными чернилами извивалось такое знакомое имя. Феба Пейн. Уми начал разбирать смех, который скоро перешел в неконтролируемый хохот.

Цикады пилили свои хитиновые скрипки под рваными облаками. Парк был пустым. Даже бездомные скрылись в свои, одним им известные, логова. Только одинокая фигура стояла у подножия холма, внимательным взглядом следя за приближением Уми.

Он остановился немного не дойдя до Фебы, прикурил сигарету от старой бензиновой зажигалки. Он зажглась с первого раза. Ну что ж, какая-то удача ему еще сопутствует. Закашлялся — с непривычки, от неотступной простуды.

— Я понимаю почти все. — начал он, — Кто, зачем и как. Кроме одного — почему я?

— Не думаю, что действительно понимаешь. — было нечто необычное в том, чтобы видеть Фебу в полный рост, под открытым небом. Станным был ее взгляд, внимательный и слегка печальный.

— Ну давай ты выслушаешь мою версию, и скажешь в чем я ошибаюсь. Ты и Мелани принадлежите к культуре Кернуна. Найджел похитил Рог после того как вы сами похитили его, вы выследили его и убили. Хотели подставить меня, но когда это не вышло и Рог тоже не нашелся, решили продолжить пользоваться моими услугами, в слабой надежде, что я лучше вас справляюсь с интеллектуальной работой. Кто-то следил за мной, и увидев что я получил Рог, вы решили разыграть эту сцену с похищением и выкупом, потому что не хотели платить. Я прав?

— Близко. И все-таки нет. Это все должно было быть... чище. Без жертв. — серая тень скользнула из-за ближайших кустов, тряской рысью подбежала к ногам Фебы, села, обернувшись пушистым волчьим хвостом.

— Привет, Мелани. Насчет тебя я тоже мог бы догадаться раньше, когда ты сказала что Найджел не заслуживает такой жестокой смерти. А ведь я не говорил, как он был убит.

Волчица блеснула белыми зубами, за которыми мелькал красный язык. Она улыбалась. Сейчас она была чистым волком, никаких примесей человеческого в

ней не было. Уми не слишком хорошо разбирался в особенностях ликантропии и не знал, могла ли она контролировать свою форму, или она не зависела от ее желания.

— Ты знаешь, наша порода не любит привлекать внимание. — продолжила Феба.

— Нам был нужен посредник. Все должно было быть просто — ты находишь Литтона, отбираешь у него Рог. Мы думали ты справишься за несколько минут. Но ты все сидел на одном месте. И Мелани становилась все нетерпеливее. Увидев что ты больше не следишь за домом, она не смогла сдержаться. Мы не собирались причинять ни ему, ни тебе никакого вреда. Что до, как ты говоришь, сценки с похищением. Я же знаю, что тебе сделали предложение, от которого ты не сможешь отказаться. Не ради своей выдуманной чести. Но может ради меня. Жаль, что все так вышло. Мне нравилось работать у тебя. Твой офис был самым спокойным местом во всем городе.

— Так почему я?

— Потому что ты был под рукой. Потому что я хотела тебе помочь, дать тебе какое-то занятие. Но подожди. Остался последний вопрос на который ты не знаешь ответа. Зачем. Это... Это тебе придется увидеть самому. Ты ведь принес Рог? Уми достал его из того же бумажного пакета. Феба не смогла сдержать улыбку, сказала:

— Не дай *Ему* это увидеть. И выброси сигарету. Пошли.

Она развернулась, сделала знак рукой. По обе стороны от нее, вверх по склону холма, словно огонь по пороховой дорожке, сквозь траву пробежало серебристое сияние. Изогнулось, соединилось в неровную арку, которая наполнилась тем же мягким светом, похожим на свет весенней луны и растаяла, открывая темный вход в пещеру. Из распахнутого зева медленно выплывал дым, в котором блистали красные отсветы, и глухо звучала музыка.

По мере того, как они входили глубже, дым становился все гуще, а музыка все громче. Кроме тяжелых ударов барабанов, можно было разобрать протяжный свист свирелей и завывания волынок, звон струн и высокие, нечеловеческие голоса. Проход расширился, в свете огромного костра видны были обладатели этих голосов, сидевшие за грубыми дубовыми столами в чадном зале, вокруг огромного дерева, державшего своими толстыми голыми ветвями потолок. Эльфы и феи, лорды и леди. С крыльями бабочек, крыльями стрекоз, бескрылые. Ширококоротые, остроухие, узкоглазые, они смотрели на Уми хитро и зло, перешептываясь и смеясь. Низкорослые мохнатые фигуры копошились под столами, ни на кого не обращая внимания, только переругиваясь между собой, языком похожим на шорох

пересыпающегося гравия. На них рычали и щелкали зубами черные псы с умными глазами. Одинокий великан согнулся в углу, и тянул пиво из деревянной кадки, жмурясь от удовольствия. Были и люди... или во всяком случае существа в человеческом обличьи. И в центре всего этого живого, шумного беспорядка, на фоне ревущего пламени, возвышался неподвижный, тихий силуэт. Лица его не было видно, но можно было разобрать длинные волосы, ниспадающий плащ. Рог, похожий на олений, как корона украшающий его голову справа и короткий обломок другого рога — слева. Перед Уми стоял сам Кернун, Рогатый Бог.

Феба осторожно подтолкнула сыщика, прошептав ему на ухо:

— Ты нашел Рог, тебе принадлежит честь вернуть его хозяину.

Смех, музыка и голоса стихли. Только треск костра нарушал тишину. Сам того не желая, Уми шел медленно, торжественно. С каждым шагом фигура Кернуна как будто росла, заполняла собой весь зал, весь мир. Приблизившись, сыщик поднял Рог в вытянутых руках. Бог осторожно сомкнул на нем свои длинные, покрытые жесткой шерстью пальцы.

— Спасибо, смертный.

Его голос отзывался в костях, заставлял слабеть колени. Но Уми устоял и даже не отвел взгляд. Кернун уже забыл о нем. Он поднял руку, приложил Рог концом к обломку у себя на голове. Где они соприкасались, вспыхнуло на мгновение кольцо золотистого сияния, распалось на отдельные искры, которые порхнули к мертвому дереву, растаяли на его коре. Секунду ничего не происходило. Но вот на ветвях набухли почки, в одночасье раскрылись, укрыли дерево свежей весенней листвой. Распахнулись на нем светящиеся белые цветы. Рогатый бог удовлетворенно встряхнул головой и проревел, обращаясь к своему народу:

— Празднество весны начинается!

Тяжелая деревянная дубина упала на жесткую кожу огромного барабана. Раз, другой, третий. Все прислушивались к этому ритму сливались с ним. И с третьим ударом, волшебный народ ответил своему королю, древними, священными словами песни:

*Sumer is icumen in
Lhude sing cuccu
Groweþ sed
and bloweþ med
and springþ þe wde nu
Sing cuccu...*

Уми не стал задерживаться. Он знал что он здесь чужой и что он здесь больше не нужен. Выход из холма сжался до узкой норы, так что ему пришлось выбираться почти ползком.

Снаружи стоял теплый весенний день. По влажному запаху земли, по тому, как весь окружающий мир был умыт и сиял, было ясно, что недавно прошел дождь. Деревья шелестели под нежным ветром. Голубело небо. Тысячи цветов наполняли воздух своими дурманящими ароматами. Влюбленные пары неспешно прогуливались рука об руку, воркуя.

Сколько времени прошло с тех пор как он вошел в холм? Месяц? Два? Нет, это было не так уж плохо. Кто-то пировал с феями годами и столетиями.

Вспомнив другие легенды, Уми заглянул в бумажник, ожидая увидеть там вместо купюр сухие листья. Но нет, Джексон все так же грозно смотрел с зеленоватой бумаги.

“Что дальше?”, подумал сыщик. Выпить? Нет, это подождет до вечера. Подумать о будущем? Это подождет до завтра. Подыскать новую секретаршу? На следующей неделе. Навестить Магеллана, сказать ему кто убийца? Когда-нибудь потом, когда ему надоест жить. Да и как найти Мелани, если она не захочет, чтобы ее нашли? Есть ли в департаменте кто-то способный открыть холм вошебного народа? Может и есть.

Нет, было что-то, что нужно сделать прямо сейчас. Уми нашел дорогу к ближайшему пруду, где перекликались сероватые утки. Присел на незанятую скамейку. Подставил лицо жаркому, почти летнему солнцу.